

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

за две недели

№ 11, сентябрь 2007



ISSN 1994-8972

07011



9 771994 897778

>



НАЗОВЕМ ДОЧЬ

КОАЛОЙ

Из Австралии в ГУЛАГ

Елена ГОВОР

В 1935 году философ Павел Флоренский в письмах из Солвецкого лагеря рассказывал двум своим детям истории о далекой стране. «Дорогая Тика, Мику я писал о путешествии из Австралии. А тебе напишу о самой Австралии. Уже лет 30 тому назад это была самая культурная из стран, виденных моим знакомым, а видел он весь свет кроме Африки...» Знакомый — это, вероятно, сокамерник Флоренского Евгений Гедлин, который когда-то исходил всю Австралию со скаткой за плечами.

В 1952 году Владимир Кабо, студент МГУ, отбывавший десятилетний срок в Каргопольлаге, получил посылку из Москвы с книгой «Австралийские аборигены». Читая ее во время ночной работы в плановой части, он решил, что если когда-нибудь выйдет из лагеря, займется изучением духовной культуры аборигенов. Пятьдесят лет спустя в Австралии вышла его монография

«Ванджина и икона: искусство аборигенов и русская иконопись». Вдохновлялся Кабо и работами Павла Флоренского, сохраненными его детьми.

По мере того как «Мемориал» извлекает из небытия имена репрессированных, растет и австралийское население ГУЛАГа. Десятки людей; возможно, сотни.

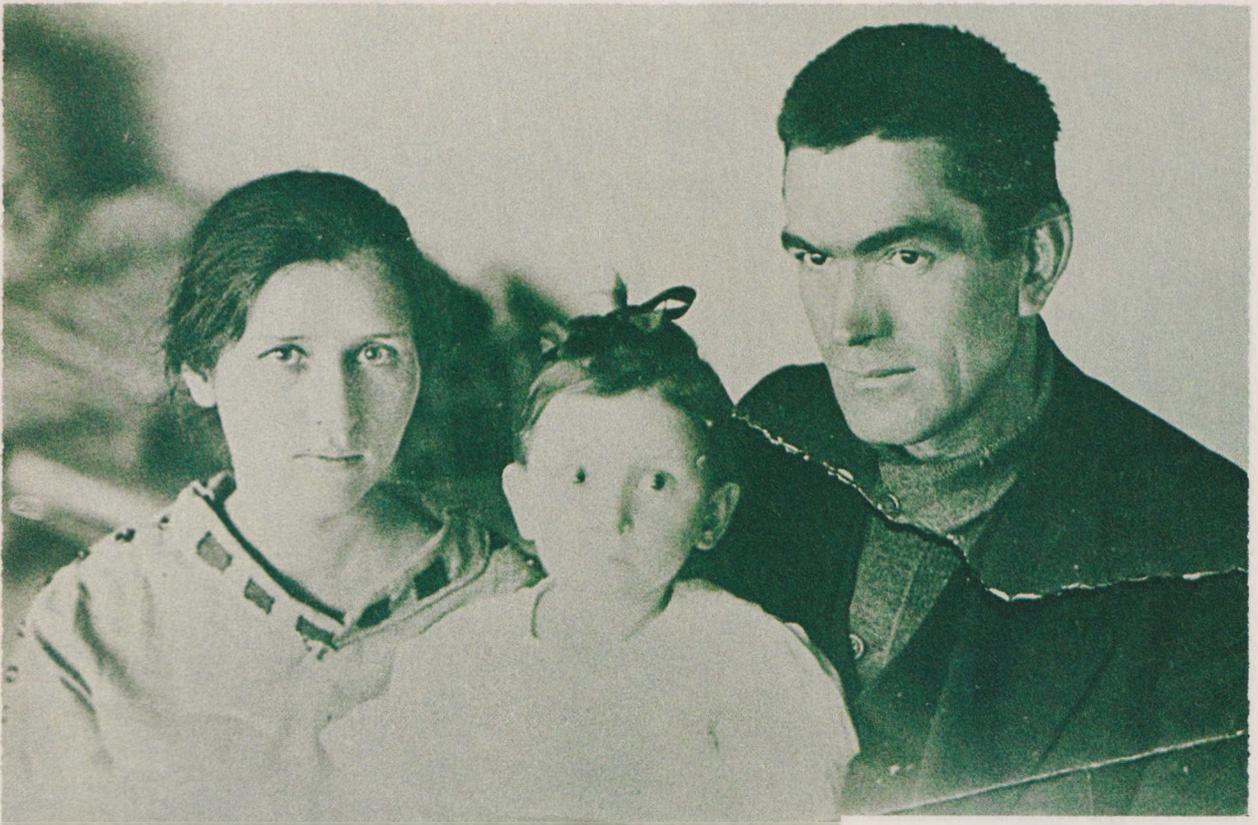
Александр Леонидович Яценко много путешествовал по пустыням Центральной Австралии. Там, около озера Эйр, в 1903 году он охотился вместе с аборигенами из племени диери, учился добывать воду из корней растений, разжигать костер трением деревянных палочек. В 1955 году Владимир Кабо, выйдя из лагеря, выбрал в качестве темы дипломной работы описание этнографической коллекции Яценко, хранившейся в Музее антропологии и этнографии. В Горках под Москвой он разыскал дочь путешественника Веру Александровну Никифорову, сохранив-

шую рукопись воспоминаний отца о путешествии по Австралии. Эта встреча положила начало возвращению научного наследия А. Л. Яценко из забвения.

Но вся правда о трагедии семьи Яценко стала известна только сейчас, благодаря сведениям, собранным его правнучкой Марией Александровной Яценко и краеведом Виктором Баландиным. После революции Александр Яценко, блестящий ученый, который мог бы составить гордость любого европейского университета, предпочел остаться в России. Он поселился в заштатном городке Сергач под Нижним Новгородом, стал школьным учителем и половину своего дома отдал под антропологический музей. В ноябре 1937 года его арестовали, а в январе 1938-го расстреляли. Незадолго до этого были арестованы его сын и зять.

Этнографическую коллекцию сотрудники НКВД выбросили в ближайший овраг. М. А. Яценко пишет: «Его

КОРАЛ, ВИКТОР И КОАЛА МИТЯНИНЫ



ЦЕЦИЛИЯ, КСЕНИЯ И АЛЕКСАНДР ЗУЗЕНКО

книгами два дня топили городскую баню, а часть спалили в костре». Чудом уцелевший дневник ученого недавно был переведен на английский, теперь его читают внуки аборигенов, у которых Яценко гостил.

Писатель-натуралист, социал-демократ и теософ Александр Усов покинул Россию после революции 1905 года; он принимал участие в работе партийной школы на Капри, встречался с Горьким, Лениным, Плехановым и Луначарским.

«Я все забыла. Александра нет уже пятьдесят два года»

В 1912 году отправился в Австралию, написал книгу рассказов об австралийской фауне под псевдонимом Чеглок (разновидность степного ястреба). Вернувшись в Россию после революции, Усов поселился в Лазаревском около Сочи, где построил Дом Солнца — теософский ашрам. Первый раз его арестовали в 1930 году по делу анархистов-мистиков, второй — в 1938 году и тогда же выслали на Север. Не дожидаясь нового ареста, Усов однажды ушел с поселения и умер где-то в лесах.

К основателю экспериментальной педагогической психологии Александру Петровичу Нечаеву судьба оказалась сравнительно более милостива. Он посетил Австралию в 1914 году и

был так воодушевлен успехами ее молодой демократии, что, возвратившись в предреволюционную Россию, выступал с лекциями «В свободной Австралии» от Самары до Вологды и Петербурга. В середине 1930-х он был арестован и выслан в Семипалатинск.

Первые реэмигранты из Австралии появились в России вскоре после Февральской революции. Временное правительство выдало сотням политических изгнанников бесплатные билеты на

родину. После Октябрьской революции многие из этих людей были репрессированы. Анархиста Ивана Абламского арестовали уже в 1921 году, выпустили на свободу, затем снова арестовали и расстреляли в 1938-м. Эсер Борис Таранов-Сквирский по возвращении вступил в компартию, сделал успешную дипломатическую карьеру и тоже был расстрелян.

Весьма колоритна фигура Александра Михайловича Зузенко, моряка, рубщика сахарного тростника, журналиста, революционера. Он покинул Австралию в 1919 году не по собственной воле: его депортировали за то, что он во время демонстрации в Брисбене поднял красный флаг. Австралийцы в

ответ на это разгромили русский квартал Брисбена; эти события вошли в австралийскую историю под именем бунтов красного флага. Вслед за Зузенко выслали его юную беременную жену Цецилию. В Турции они воссоединились, там же родилась их дочь Ксения, а вскоре семья перебралась в Одессу.

В 1990 году аспирант Эрик Фрид приехал в Россию и разыскал там Цецилию. Она рассказала, что в апреле 1938 года Зузенко арестовали по обвинению в шпионаже и через четыре месяца расстреляли. Эрик был, вероятно, первым иностранцем, которого за многие годы увидела Цецилия. Во время интервью она сначала была очень сдержанна. «Прошло так много лет. Я все забыла. Александра Зузенко нет уже пятьдесят два года». Потом она вспомнила реплику мужа: «Я не удивлюсь, если мы проснемся однажды утром, а у нас будут развеиваться фашистские флаги. Это же фашизм, то, что у нас происходит». Вскоре после этого разговора он ушел на работу и не вернулся.

Интервью было закончено, но камера продолжала работать и зафиксировала последние слова Цецилии. «Эрик, знаете, почему я так смело говорю, почему я так вам все рассказала? Потому что я без ног... Они уже ничего со мной не сделают». Через несколько месяцев Цецилия умерла. История революционера, уничтоженного соратниками, России сейчас не интересна, но австралий-



ГРУППА РУССКИХ ВО ГЛАВЕ С ФЕДОРОМ БАСКАКОВЫМ (СЛЕВА). ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ В КОММУНУ

цы Зузенко не забывают: недавно историк Кевин Уиндл издал книгу о нем.

Анархо-коммунист Сергей Яковлевич Алымов стал популярным советским поэтом-песенником. О своей прежней жизни Алымов молчал. Но теперь мы знаем, что в 1911 году он бежал в Австралию с сибирской каторги. «Был грузчиком, землекопом, лесорубом, работал на скотобойнях, рыбачил, занимался архитектурой и сотрудничал в русской и австралийской прессе, где печатал стихи, рассказы, статьи на русском и английском языке», — писал он в автобиографии. Его ранние стихи эмигрантского периода разбросаны по страницам русских газет, издававшихся в Австралии. В 1917 году Алымов намеревался вернуться на родину, но задержался на девять лет в Харбине, где выпустил три поэтические книги. В 1926 году он наконец вернулся в Советский Союз, был арестован и отправлен на строительство Беломорканала. Там печатался в лагерном журнале «Перековка». Освобожден досрочно. Вскоре вся страна запела его песни «Вася-Василек», «Хороши в саду весной цветочки» и прежде всего «По долинам и по взгорьям». Правда, автором первого варианта текста этой песни является другой лагерник, Петр Парфенов. Алымов отредактировал его неумелые вирши.

Самую многочисленную группу ГУЛАГОВСКИХ австралийцев составили крестьяне и рабочие, потянувшиеся

после окончания Гражданской войны через дальневосточные порты на родину. По приблизительным оценкам, в то время Зеленый континент покинули не менее трети австралийских русских, украинцев и белорусов, и многие из них закончили свой жизненный путь в лагерях. Не вполне ясно, почему они возвращались: ведь Австралия тогда считалась раем для рабочих, государством с самой справедливой в мире социальной системой. Отчасти это объясняется тем, что в большинстве они были не настоящие иммигранты, а люди, приехавшие в Австралию на заработки. Многим так и не удалось здесь закрепиться, а после октябрьского переворота и «бунтов красного флага» отношение ко русским в Австралии стало подозрительным, им не давали работу, да и тоска по родине, естественно, сказывалась. Алиса Чеховская, родившаяся в Австралии и вывезенная в Россию ребенком, вспоминает: «Я маму как-то спросила, когда была уже взрослая: «Чего тебе не хватало в Австралии?» Она говорит: «Снега, черного хлеба и кислой капусты!» В 1923 году Татьяна Чеховская, вдова с четырьмя детьми, приехала из Брисбена на Дальний Восток навестить родителей, но обратно выехать не смогла. В 1938-м ее старший сын Эдуард был арестован и больше не подавал о себе вестей. Сестра Эдуарда Алиса сумела вернуться в Австралию только в 1980 году, после

долгих мятарств. Здесь с помощью австралийских властей она выяснила, что ее брат был расстрелян через пять месяцев после ареста.

В 1924 году группа крестьян-реэмигрантов отплыла в Россию из Кэрнса, который тогда еще не являлся фешенебельным курортом. Федор Баскаков, возглавлявший эту группу, десять лет проработал в окрестностях Кэрнса на плантациях сахарного тростника и в шахтах. Едва добравшись до России, несколько членов группы попытались вернуться обратно в Австралию, но было уже поздно. Они отправились в Кирсанов, город на берегах реки Иры, в коммуны имени Ленина. Им повезло: это была образцовая коммуна, в которой собрались многие реэмигранты и иностранцы. Они привезли сюда свой заграничный опыт хозяйствования, и коммуна процветала. В нее возили на экскурсии почетных гостей СССР, например, Бернарда Шоу. В 1937 году начались аресты коммунаров, арестовали и Федора Митрофановича Баскакова. В 1939-м его освободили. О том, что происходило с ним в застенках КГБ, он никогда не рассказывал. У его сына Гарибальди сохранилась лишь одна реликвия, билет члена австралийской компартии, выданный Федору в 1924 году.

Бывали и счастливые исключения. Василий Грешнер, сын начальника нижегородского охранный отделения,



СЕМЬЯ ЯЩЕНКО. 1936. ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО ВМЕСТЕ. А. Л. ЯЩЕНКО В ЦЕНТРЕ, СЗАДИ

убитого эсерами в 1904 году, попал в Австралию моряком, австралийским героем вернулся с фронтов Первой мировой, с конца 1920-х прокладывал линии электропередач в Новой Гвинее, а в 1932-м отправился в Россию повидать мать и родных. «Друзья считали меня сумасшедшим, — пишет он. — Они говорили, что даже мой иностранный паспорт не спасет меня, если органы дознаются, кем был мой отец». Грешнер завербовался как специалист-техник на новое золотопромышленное предприятие под Семипалатинском и в конце концов был арестован. Описание психологического поединка Василия со следователем принадлежит к самым сильным страницам воспоминаний Грешнера. Не зная, что известно следователю, узник утверждал, что его отец был военным врачом. А ОГПУ вело свою игру: неожиданно Василия выпустили и направили работать на местный мясоперерабатывающий комбинат, надеясь, что он будет сотрудничать с органами. Во время очередного посещения Семипалатинского ОГПУ Грешнер столкнулся там со своим товарищем по работе, который заменял временно отсутствующее начальство. Тот посоветовал Грешнеру «немедленно бежать отсюда и никогда не забывать о своем русском опыте; он также предостерег меня, чтобы я никогда не рассказывал о том, что со мной случилось и что я увидел в России, если я не хочу повредить моим

родным в Москве». Годы спустя, записывая воспоминания в своем домике под Мельбурном, Грешнер так и не решился указать полные имена людей, встреченных им в СССР.

О Корал Митяниной я прочитала лет двадцать назад в воспоминаниях Веры Шульц, встретившей Корал в 1938 году в Таганской тюрьме. «Мое внимание привлекла мальчишеская фигура светловолосой молодой женщины, очень интеллигентной, с лукавинкой в светло-

Союза» они отправились в Москву. Подруга, посетившая Корал в 1934-м, вспоминала, что жили они в одной комнате, занимались преподаванием английского языка и ни малейшего желания покинуть Россию не выказывали. Тоска Корал проявилась только в одном: дочку, родившуюся в Москве, она назвала Коалой. Вскоре связь с Митяниными прервалась, и лишь в конце 40-х Корал дала родным знать, что с ней все в порядке, она работает в Сибири. В 60-е годы ее

Альмов печатался в журнале «Перековка». Освобожден досрочно

зеленых глазах». Жена русского, она приехала с ним в Москву. Арестовали обоих. «И как же велика была ее вера в непогрешимость нашей великой страны! — пишет Вера. — Они с мужем ни в чем не виноваты, и это не может не выясниться. А если они погибнут до этого, то страна вместо них воспитает и сделает людьми их сыновей». Веру подвела память: у Корал осталась дочь, а не сыновья. Все остальное верно. Мне удалось узнать начало этой истории, разыскать семью Корал. Ее девичья фамилия Сатклиф, она родилась в Англии, в детстве переехала в Австралию, где повстречала русского паренька, выросшего в Сиднее, Виктора Митянина. В 1932 году с группой «друзей Советского

британские родственники сумели добиться разрешения на приезд Корал в Англию. «Она очень серьезно относилась к подписке, которую дала, и ничего не рассказывала нам, — пишет ее племянник. — Она говорила, что работала в Сибири, выехав туда вместе со своим предприятием во время войны. И она не сказала, как погиб ее муж».

Сходная судьба у Мельниковых из Старой Руссы. Петр и Виолетта были арестованы в октябре 1937 года и в декабре расстреляны. Виолетта Виктория Менде родилась и выросла в Северном Квинсленде. Ее историю, как и сотни других, подробно рассказать до сих пор некому.

РБ

Канберра